

Виртуальная выставка ГБОУ школа №294 Центрального района Санкт-Петербурга «Новые книги о той войне»

Приближается 75-я годовщина победы над фашизмом.

Казалось бы, о Великой Отечественной войне написано много книг. Но что-то из этого наследства безнадежно устарело, хотя есть и то, что будет читаться и перечитываться и по-прежнему переворачивать душу: авторы таких книг уже *тогда*, в послевоенное время, осмеливались писать глубоко и честно.

Однако новым подросткам нужны новые книги.

Взрослый владеет и современным языком, и языком прошлого. А дети до пользования языком прошлого должны дорасти. Поэтому, кроме классики, им непременно нужны книги, написанные из «сегодняшнего дня». Это и есть «другая оптика» – показатель того, что в обществе существует потребность осмысления случившегося почти 80 лет назад. Новых книг о войне у нас сейчас не много. (Удивляться, по понятным причинам, этому не приходится.) Но они есть. Самые мощные, на мой взгляд, в этом не очень длинном ряду – «Облачный полк» Эдуарда Веркина и «Следы» Евгении Басовой.

Эдуард Веркин «Облачный полк»
Художник Олег Брауде
Издательство «КомпасГид», 2019

«Облачный полк» – роман о «партизанской жизни». Прототипом главного героя, как рассказывает нам в послесловии автор, стал Ленья Голиков.

Во времена моего школьного детства существовала серия тонких книжечек «Пионеры-герои». Все они были посвящены подвигам детей во время Великой Отечественной войны. И все, как жития святых, были написаны по одному и тому же канону: в счастливой советской стране жил-был мальчик (или жила-была девочка). Он (она), как и полагалось всем детям этой страны, вступил(а) в пионеры. Но потом мирную жизнь оборвала война. У мальчика (девочки) убили родных, он(а) оказался(лась) среди партизан или просто волею случая вдруг стал(а) помогать партизанам или подпольщикам. Но погиб(ла), выполняя важное задание. Вечная слава героям!

И все время подчеркивалось, что мальчик (девочка) был(а) пионером (пионеркой). В этот ряд и был вписан Ленья Голиков.

Но герой Эдуарда Веркина из пионерского возраста давно вышел, хотя до призывного, очевидно, не дорос. В нем странным образом проступают черты, родственные современному подростку: узнаваема и манера говорить, и пластика, и внезапные перемены настроения, и импульсивность, и отчаяние, перемежающееся бравадой, и остро ощущаемая совершенно подростковая уязвимость. Он до боли типичен – даром что вынужден существовать в «интерьерах» и «пейзажах» войны. И эта сочетание типичного и индивидуального делает героя абсолютно живым.

Так и слышишь интонации его голоса и скрип снега под ногами, когда, например, он ведет захваченного им «языка» по зимнему лесу и в приступе внезапной ненависти вдруг заставляет его есть кусок голенища, отрезанного от его же кожаного сапога. У пленника – деревенского парня, который то ли по собственной воле, а может и по чужой, оказался среди «полицаев», кусок сырой кожи застревает в глотке, он начинает задыхаться, и герою приходится еще и грубо спасать ему жизнь.

Описание партизанской жизни – с ее стремлением создать хоть какой-то уют в земляных норах, непонятно откуда берущейся едой (лучше не думать, откуда), неотвратимыми и неуместными любовями и не менее неуместным «выяснением отношений», регулярными и смертельно опасными боевыми вылазками, деловитым, поверх «отношений», распределением боевых и бытовых обязанностей, – поражает беспощадным реализмом и ужасающей откровенностью. И как, каким образом все «обыденное» в человеке побеждается чувством долга? Почему в какой-то момент мальчишка, недавний подросток, жертвует собой ради тех, кто рядом? И все это происходит совершенно «естественно», «органично»...

Евгения Басова «Следы»
Художник Ю. Куршева
Издательство «Речь», 2018

Главы, посвященные войне в романе **Евгении Басовой «Следы»**, как мне кажется, не имеют аналогов в отечественной подростковой литературе. Тут описаны не фронтовые действия и не «беспримерный подвиг тружеников тыла». Тут описана жизнь деревни под оккупацией. Точнее – выживание в такой деревне, во всей его сложности и невозможности и, в то же время, во всей его простоте, которая «хуже воровства». Со всеми живущими в этой деревне людьми – и подлыми в своей зависти и желании властвовать и насильничать, и какими то полусвятыми, совершающими бытовые, «обыденные» подвиги. Одна из главных героинь, в образе которой прочитываются и черты сказочной «златошвейки», «Марьи-искусницы», и «несмываемое пятно» дворянского происхождения, помогает партизанам. Но делает она это в каком-то не вполне сознательном, полубоморочном состоянии. Ее просят помочь с переводом перехваченных немецких сообщений – она и помогает, потому что знает несколько иностранных языков, а просят ее об этом те, от кого она зависит. А еще она любит одного партизана (он – такой хороший, такой положительный парень). Но вообще-то по жизни ей и любить не дозволено – так подмяла ее под себя «молодая

советская власть», лишив родителей, дома и любых перспектив. Когда это произошло, ей было лет шесть, не больше. Но вот языки – остались...

Война с дистанции – это эпизод в длинной жизни людей. Но он определяет отношение к реальности чуть ли не четырех поколений. Потомки уже не понимают, почему должны поступать так, а не иначе, почему им нельзя, например, общаться с живущей за забором соседкой. И не только с самой соседкой, но и с ее внучкой. Да потому, что из-за соседки, из-за ее завистливости и длинного глупого языка расстреляли во время войны людей. Но никому из взрослых «свидетелей» не приходит в голову что-либо объяснять ребенку: это правило – и все. В общем-то дикое правило (внучка-то бабкина тут причем?), но его породила война. И он, как веревка, грозящая свистеть в петлю, дотянулся до наших дней: за нарушение правила даже сегодняшнему ребенку, любимому и «несведущему», полагается жесткая порка...

Есть у Евгении Басовой в отношении к своим персонажам что-то чеховское, что-то от описания жизни «В овраге». Но в «Следах» проникающий в недра «оврага» авторский взгляд прослеживает жизнь его обитателей во временной перспективе. И оказывается, что в какой-то момент чувство поруганной справедливости способно объединять людей...

Это, конечно, сложные книги – и роман Эдуарда Веркина, и роман Евгении Басовой. Осилить их, наверное, могут только старшие подростки. В книге Басовой, на мой взгляд, особенно много исторических и культурных коннотаций. Но динамичное, богатое событиями повествование и сильные, рельефные образы затягивают читателя. Такие книги действительно еще и учат истории, пониманию ее сложности

Мария Ботева «Сад имени Т.С.»

Художник Капыч

Издательство «КомпасГид», 2018

«Сад имени Т.С.» Марии Ботевой относится к другой весовой категории – «литературный конструктор» в книге местами слишком заметно выпирает из художественного повествования. Но зато «Сад» можно предложить детям уже в начальной школе.

И здесь тоже присутствует важная для современных книг черта, отличающая ее от книг предшествующей эпохи: война вписана в длинную цепь взаимообусловленных событий. Последствие войны, вроде бы оставшейся в прошлом, настигает и тех, кто ее пережил, и даже тех, кто, по счастью, родился намного позже.

Герои книги – взрослые и дети дружной многодетной семьи – хотят восстановить историческую справедливость, связанную с непризнанным подвигом их двоюродного прадеда. Во время взятия

Рейхстага прадед вместе с несколькими другими солдатами водрузил на его крыше красный флаг. Таких групп с флагами было несколько, но официальная пропаганда приписала подвиг только одной из них, с «правильно подобранным» составом участников. Прадеду было велено молчать, а потом его еще и при первой же возможности посадили. Вернувшись домой из заключения, он начал безбожно пить...

Этот совершенно «не парадный» сюжет в книге представлен как история, которая открывается детям из разговоров родных, занимавшихся поиском архивных документов. Взрослые родственники встречаются и объясняют детям: прадед-то, оказывается, и правда водрузил флаг на Рейхстаг! А то, что он пил... – ну да. Может, и пил поэтому...

Повествование соткано из эпизодов жизни детей в провинциальном городке. Их мама и папа много работают и мало получают. И все они такие хорошие...

Думаю, у этой книги есть и будут свои читатели.

Все три названные книги можно считать новаторскими с точки зрения темы: угол зрения, под которым авторы смотрят на вроде бы известное событие, неожиданный и трагический. И во всех трех книгах показано, как «работает» память о войне в следующих поколениях.

«Великая Отечественная война. 1941–1945.

Рассказы, стихи, очерки, письма» (Сборник)

Издательство «Лабиринт Пресс», 2019

Еще одна новая книга для детей создана в издательстве «Лабиринт-пресс» коллективом составителей (Д. Меркулов, А. Солопенко и Е. Бунтман) и называется **«Великая Отечественная война. 1941–1945. Рассказы, стихи, очерки, письма»**. Эта книга большого формата стилизована под альбом «того» времени и проиллюстрирована историческими «артефактами»: фотографиями, плакатами, картами, схемами, почтовыми открытками – реконструкторский прием, позволяющий сделать книгу интерактивной и успешно отработанный издательством в нескольких других книгах о знаковых событиях русской истории. Но в отличие, например, от книг «Бородинское сражение» или «Ледовое побоище» здесь нет комментатора-историка, объясняющего смысл событий и их место в причинно-следственном ряду. Это антология классических советских текстов – художественных, публицистических и пропагандистско-информационных, подобранных в соответствии с хронологией военных действий и дополненных солдатскими письмами с фронта и выдержками из дневников «свидетелей».

Видимо, по мысли составителей из такого противоречивого многоголосья (включающего как строки «Писал письмо тайно. Писать никак нельзя...», так и бравурные речевки и портреты Сталина) у читателя должен возникнуть сложный, разноплановый образ войны.

Это, безусловно, интересная и важная идея, предохраняющая от упрощенного восприятия исторических событий.

Но все-таки трудновато представить себе ребенка, который прочитает эту книгу насквозь. Вероятно, антологии «Великая Отечественная война» больше подходит роль пособия для учителя или библиотекаря, перед которыми стоит задача рассказать детям о войне.

Тема ленинградской блокады, на мой взгляд, требует отдельного разговора и отдельной статьи. Но совсем не коснуться ее было бы неправильно.

И я хотела бы назвать две художественные книги о блокаде, созданные относительно недавно: это «Краденый город» Юлии Яковлевой и «Сурвило» Ольги Лаврентьевой.

Юлия Яковлева «Краденый город»
Художник Влада Мяконькина
Издательство «Самокат», 2018

«Краденый город» – вторая часть эпопеи «Ленинградские сказки», страшная история с фэнтезийными элементами, действие которой разворачивается в блокадном Ленинграде.

Ольга Лаврентьева «Сурвило»
Иллюстрации автора
Издательство «Бумкнига», 2019

«Сурвило» – графический роман, названием которого стала фамилия главной героини, от лица которой ведется повествование. Ее жизни в блокадном Ленинграде и во время войны посвящены четыре из семи глав романа. Это история, записанная со слов Свидетеля.

Как и в книгах Е. Басовой и М. Ботевой, война и блокада в «Краденном городе» и «Сурвило» вписаны в длинную жизнь героев, и память о них передается следующим поколениям. У блокады есть начало и конец. Но и до блокады с героями что-то происходило, и после блокады – тоже. И этот «контекст» заставляет содрогаться еще больше: жизнь героев чудовишна даже и без блокады. А уж вкупе с блокадой...

Но «Краденый город» и «Сурвило» – это не только тематический прорыв. Это еще и довольно дерзкие эксперименты с «языком изложения».

«Краденый город» нарушает устоявшиеся каноны по отношению к жанру. Его автор, Юлия Яковлева, решает говорить о блокаде не в традиции реализма (к чему мы привыкли), а языком, который сравним с языком фэнтези. Это вполне предсказуемо вызвало негодование хранителей памяти о ленинградской блокаде и «классических» канонов ее восприятия.

Но книга ведь обращена не к ним – не к тем, кто и без того знаком с блокадными дневниками и помнит переживших блокаду. Книга обращена к подросткам, которые, как я уже говорила, лишены привилегии знать реальных блокадников и которых формируют совершенно другие события. А для многих из них фэнтези – любимый и понятный жанр. Они ему доверяют, они готовы с помощью этого жанра в том числе и познавать разные плоскости бытия.

Что касается «Сурвило», то это вообще беспрецедентный выход за пределы канона: о блокаде рассказывает графический роман! Конечно, в виде графического романа уже существуют «Дневник Анны Франк» и другие истории о Холокосте. И понятно, как это работает по отношению к современным подросткам, для которых привычнее воспринимать «сообщение» в визуальной упаковке.

Это не значит, что «Сурвило» обеспечен интерес с их стороны. Это все-таки очень тяжелая книга: не каждый готов в нее погрузиться. Но, как заметил один из подростков-экспертов во время обсуждения книг о Холокосте, читая текст, я могу представить себе, бог знает что. Это гораздо

страшнее, чем смотреть комикс или графический роман, где за тебя уже всё представили и ограничили «в действиях» твое воображение.